

ИГОРЬ ШИНКАРЕНКО

Нежное соблазнение по-провански

Игорь Шинкаренко

Нежное соблазнение по-провански

«Издательские решения»

Шинкаренко И.

Нежное соблазнение по-провански / И. Шинкаренко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981535-4

Действие повести разворачивается на юге Франции 19 века, в Провансе, и ведётся от имени юноши, воспитанном в монастыре и сделавшем карьеру благодаря своему уму, знаниям и умению быть нужной и интересной персоной в интимной сфере, благодаря чему он сумел достичь высокого положения в церковной иерархии.

ISBN 978-5-44-981535-4

© Шинкаренко И.
© Издательские решения

Нежное соблазнение по-провански

Игорь Шинкаренко

© Игорь Шинкаренко, 2020

ISBN 978-5-4498-1535-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я был обязан своим появлением на белый свет развлечениям одного иезуита из Авиньона, вернее, как ни странно, его ежедневным прогулкам по окрестностям после вечерней службы, когда он однажды вечером повстречался с моей матерью, прачкой, обстирывающей всю мужскую братию монастыря за божью благодарность и пару су, чтобы не умереть с голоду, на узкой дорожке, ведущей из этого кладезя и светоча духовной мысли в город и, не оставив матери места для прохода, столкнул её на лужайку, после чего воспользовался беспомощностью, усталостью и страстной от природы натурой молоденькой беломойки (не путать с белошвейкой) священных монашеских портков. У моей матушки не было никаких шансов избежать возможности дать мне жизнь, и через предусмотренные Создателем девять месяцев я впервые явил свету все свои достоинства. Едва мне исполнилось шесть лет, как меня, благодаря отцовской нежности и милосердию отцов-иезуитов, допустили в младшие классы местной школы, где я, пользуясь щедростью природы, наградившей меня живым и пытливым умом, а также своему старанию, редкому в таком возрасте среди моих сверстников, сумел за один год переосваивать через два-три учебных курса, а кроме того, я устроился служкой в монастыре, где уже в шестнадцать лет моим наставником определили знаменитого отца Натофиля, ставшего в одночасье поклонником моих талантов. Я же, благодаря, по всей видимости, церковному зачатию, рано развился во всех аспектах—и физически, и умственно, и был, что называется, божественной скороспелкой. Моё тело было стройным, с тонкой аристократической костью, а круглое белоснежное лицо, с румяными щёками, голубыми пронзительными глазами и черными волосами придавало мне вид более взрослый, чем мне было на самом деле... все меня принимали за юношу в возрасте двадцати лет. Хотя... низость моего происхождения и бедность моей одежды не позволяли мне быть в близких отношениях с моими одноклассниками и, следовательно, уберегали меня от всех порочных развлечений, которыми они увлекались, а я посвящал всё моё время изучению наук. Мой наставник, отец Натофиль, удовлетворённый моими достижениями, как в учебных дисциплинах, привязался ко мне и поручил моим заботам порядок в его комнате. В мои обязанности входило заправлять его постель, подметать пол, и приносить отцу Натофилю всё, в чём он нуждался, а чтобы вознаградить моё старание, он мне давал частные уроки после занятий в классе, и кроме того, я выполнял для него роль чтеца, поскольку он меня заставлял читать в своей комнате авторов, которых нет в школьной программе.

Однажды, когда мне было всего лишь восемнадцать лет, наставник меня зажал между своих ног, дабы следить за моими глазами во время декларирования мной «Сатирикона» Петрония Арбитра... и вдруг его лицо неожиданно воспламенилось, глаза засверкали, дыхание стало учащённым и синкопированным... Я с беспокойством и любопытством наблюдал за этими изменениями, чем допустил промашку, рассеяв своё внимание, что заставило меня сделать ошибку в тексте.

– Какой негодник! – произнёс отец Натофиль тоном, который невольно заставил меня задрожать, – даже шестилетнее дитя не совершило бы подобной ошибки, и мне кажется, что вас заставит взяться за ум лишь только божественный кнут.

Напрасно я извинялся и просил пощады, моя участь была предрешена, и мне пришлось подчиниться. Мой наставник вооружился пучком гибких ивовых прутьев и, заставив меня низко спустить штаны, буквально бросил моё тело на свою кровать, и опасаясь, что я могу убежать от него в последний момент, чтобы избежать наказания, он просунул руку под мои бедра и схватил меня за мой отросток между ног, который я до сих пор использовал только по одному назначению, хотя его монументальная твёрдость по утрам уже более года заставляла меня размышлять о том, что у этого органа может быть и другое предназначение.

– Итак, мой маленький плут, я тебя научу, как следует избавляться от солицизмов!

Тут же отец Натофиль, слегка взволнованный происходящим, легко провел прутьями по моим упругим холмикам ниже талии, скорее глядя их, чем рая и повреждая нежную кожу. Уж не знаю что, страх или приятное трение, но, безусловно, какое-то новое ощущение заставило увеличиваться в размерах то, что священник держал в этот момент в одной из своих рук.

– Ах! Мой маленький распутник, что я чувствую там...? О! У вас это будет предмет большой значимости, просто определяющей для вашей будущей жизни.

И отец Натофиль продолжил такое приятное для меня бичевание, как и свои прикосновения к моему отростку вплоть до тех пор, пока я, опьянённый сладострастием, не увенчал его усилия струёй жгучего нектара, излившегося из него, и наставник удостоил меня тёплыми поздравлениями, после чего, бросив прутья, произнёс:

– Обратишь ли ты теперь больше внимания на точность изложения произведений классиков в следующий раз?

– Ах! Я так не думаю, мой отец, ведь по сравнению с декламацией сколько удовольствия мне доставило наказание и исправление, принятое из ваших рук.

– Ты уж прости мне мой гнев... Итак, старайся хорошо учиться, и я вознагражу тебя так же примерно, как только что наказал.

Я с восторгом поцеловал руку отца Натофиля, а он меня обнял, задержав свои руки на моей попке, после чего покрывал меня поцелуями.

– Так как ты оказался, как я и ожидал, вполне доволен наказанием, постигшим тебя, моё дорогое дитя, – продолжил он, – то ты просто обязан и меня вознаградить за мои хлопоты, и точно таким же образом.

– Я никогда не осмелюсь этого сделать...! Хлестать моего наставника и регента!

– Рискни малыш... я в твоём распоряжении и, если тебе это необходимо для того, чтобы ты осмелел, то считай, что я просто приказываю тебе это сделать.

Услышав столь недвусмысленный приказ, я отправился, краснея, за прутьями, а отец Натофиль обнажил предо мною своё тело, и только я едва осмелился прикоснуться к нему прутом, как он с каким-то надсадным хрипом заорал на меня:

– Сильнее... ещё сильнее! Необходимо намного строже наказывать за ошибки преподавателей, а не их учеников.

Наконец, осмелев, я схватил мэтра за его скипетр, как немного ранее он это проделал со мной, и стал так сильно хлестать его по слегка подвядшим, принимая во внимание возраст, чреслам, что буквально через пару минут отец Натофиль излился слезами радости и удовольствия. С этого момента между нами установились доверительные отношения и отец Натофиль, сославшись на поразивший его приступ простуды, который вынуждал его постоянно иметь при себе служку, который бы помогал ему и ухаживал за ним, заставил поставить мою кровать в маленький кабинет, который был расположен рядом с его спальней, но на самом деле это было сделано ровным счётом только для проформы, потому что стоило только мэтру лечь в кровать, как он тут же звал меня к себе, чтобы я пришел и лёг рядом с ним или сидел, бодрствуя, возле него. Он был моим Сократом, а я его Алкивиадом. С этого времени, чередуя страсть и терпение, отец Натофиль положил все свои силы и знания на моё воспитание и образование.

Когда мне исполнилось девятнадцать лет, я, представьте себе, уже знал греческий язык, латынь, основы логики и философии, а также владел начальными знаниями по теологии, но, чтобы углубить свои знания и постичь эту науку, на которую частенько направлены кинжалы фанатизма, мне требовалось попасть в руки другого преподавателя, ведь отец Натофиль был специалистом почти исключительно по художественной литературе, так что я был вынужден отправиться учиться теологии под руководством другого преподавателя, отца Аконита. Я сохранил, тем не менее, мою постель у отца Натофиля, который, чувствуя, что для того, чтобы идти своей дорогой в этой новой карьере, мне необходимо оказать такую же любезность и быть также столь обходительным, как с ним, отцу Акониту, поэтому он его предупредил, насколько я мил и услужив в повседневном общении. Правда, для того, чтобы меня допустили к изучению курса теологии, требовалось ещё согласие игумена. Отцу Натофилю пришлось представить меня и ему. Моё лицо понравилось этому церковнику, хотя мне всё равно пришлось расплатиться и с ним... за это право изучать теологию.

Весь следующий год я проводил все дни и ночи в изучении предмета, стараясь заслужить милость моих преподавателей. Мои достижения сделали мне доброе имя, которое обещало самые блестящие успехи и перспективу в моём продвижении по карьерной лестнице, когда случилась катастрофа, самое настоящее землетрясение, которыми так богаты южные земли, и которое в буквальном смысле уничтожило наше иезуитское братство. Потрясённые этими событиями, Натофиль и Аконит решили отправиться в Италию, и первый из них, чтобы не оставить меня без средств к существованию, рекомендовал мою персону госпоже Мелло, богатой дворянке, чтобы она взяла меня к себе в дом в качестве наставника и учителя для её сына в возрасте семи лет, чей преподаватель умер только что. Моя репутация и рекомендации благочестивых преподавателей заставили госпожу Мелло согласиться с моей кандидатурой, несмотря даже на мою чрезмерную молодость. Госпоже Мелло было около двадцати четырёх лет, белые зубы, черные глаза, римский нос, длинные каштановые волосы, великолепная кожа, длинная шея, округлые бедра, и руки очаровательной красоты. У неё было сын, который стал моим учеником, а её муж вот уже шесть лет как жил в Италии на наследство, которое он там получил. Натофиль меня привёл к ней, принёс все мои книги и писчие принадлежности, а также немного одежды, которые он мне подарил из дружбы.

Эта дама меня встретила с привлекательной благосклонностью и обещала отцу Натофилю относиться ко мне таким образом, чтобы между нею и мной установилось взаимное доверие, которое должно было обеспечить успех моих усилий в обучении моего ученика. Когда мой благодетель вышел, дама зафиксировала на мне свой внимательный и живой взгляд, столь пристальный, что я опустил глаза и покраснел, хотя и знал к тому времени, что у меня была сила вызывать чувственные взгляды моих учителей и наставников, но это был совсем другой случай – женщина... богатая и благородная, от которой зависело моё благополучие, ввела меня в состояние, которое я не мог выразить словами.

– Что я вижу, – воскликнула она, – вы краснеете? Кажется, отец Натофиль меня обманул? У вас черты лица и характер не юноши, а девушки, вы также застенчивы, и у вас до сих пор не было сексуальных отношений!

Я покраснел ещё сильнее.

– Ах! – продолжила она, смеясь, – кажется, я приобрела вместо гувернёра красивую гувернантку для моего сына, и хочу в этом немедленно убедиться.

И просунув руку в жабо моей рубашки, она, казалось, искала мою грудь, проверяя, не был ли я девушкой, при этом приблизив ко мне свою грудь настолько близко, что я потерял всякую застенчивость и, получив её негласное согласие, прижал её другую руку на осязаемое доказательство её ошибки.

– Ах! – воскликнула мадам Мелло, – как я ошиблась! Но как можно иметь такое красивое лицо? Моя ошибка очень даже простительна, ведь вы столь молоды... хотя, несмотря на юный возраст... у вас такой большой образец мужественности! К чести отца аббата, обязана с ним согласиться, вы – настоящий монстр!

– Но его очень легко приручить, – произнёс я, бросаясь к её ногам, – и я с радостью отдал бы мою жизнь ради вашего счастья, лишь только ради того, чтобы понравиться вам.

– Ах! Как я виню себя за моё заблуждение... но ведь без этой ошибки вы не оказались бы у моих ног... так что поднимайтесь, мой отважный герой!

– Нет, мадам, я не могу уйти, пока не получу из ваших уст прощения за мой поступок, и я его надеюсь услышать и увидеть, если вы задумаетесь о владычестве над людьми ваших чар... вашей необыкновенной привлекательности и того необыкновенного эффекта, который она произвела на меня.

– Я соглашусь, что эффект почти что невероятен... просто поразителен! – произнесла дама, и её глаза вновь зафиксировались на наглице, гордость которого только ощутимо выросла от этого взгляда. В этом выразительном взоре женщины легко можно было также рассмотреть огромное желание, и в этом я увидел успех моей защитительной речи, а потому снова взял её за руку и прижал её моему оратору.

– Ах! Каких же плутишек воспитывают иезуиты, – воскликнула мадам Мелло, обвивая свою другую руку вокруг моей шеи, и прижимая мою голову к своей груди.

Я чувствовал невероятную энергию этого восклицания: «Ах! Плутишка!» и, пользуясь обстоятельством и счастливым случаем, упал на колени, после чего мои руки за четыре секунды устранили все препятствия на моем пути, и самый что ни на есть интимный союз увенчал мои усилия... влажные губы мадам Мелло и наполовину закрытые глаза, её вздымающаяся от возбуждения грудь, её рот, буквально впившийся в мой, вынужденный замолчать от такого проявления сладострастия... наши языки были чересчур увлечены нежной междуособной борьбой, чтобы скрашивать словами наслаждение друг другом... мы пребывали в состоянии такого опьянения страстью, которое просто невозможно выразить словами. Неожиданно желания переполнили мой скипетр, и он излился фонтаном любви, хотя чувства, бушевавшие в моей душе, требовали продолжения борьбы на любовном фронте с мадам Мелло, и я тут же отправился в поход за новой победой.

Мой атлет, слегка разочарованный своим поражением, но ценя моё упорство, предался с упоением и восторгом повторной схватке и борьбе, которая на этот раз получилась и менее скорой и более чувствительной, погрузив нас в пучину наслаждения. Пребывая во взаимном любовном помешательстве, мы взаимно покрывали друг друга пламенными поцелуями, не забывая всё более и более привлекательные местечки, используя их для того, чтобы возбудить нашу чувственность, и закончили битву соитием с выбросом такого огромного количества любовного нектара, что мой скипетр буквально утонул в нём, а на диване образовалось небольшое озеро страсти. Немного отдышавшись, мы с мадам Мелло договорились соблюдать строгую холодность в отношениях перед публикой и слугами, но не отказывая себе при этом в ежедневных свиданиях. И этот каждый новый день обнаруживал для меня всё новые привлекательные черты в моём завоевании сердца и тела светской дамы, которая, стремясь всё больше и больше к плотским наслаждениям, любила меня с нежностью настоящей любовницы. Комната моего ученика сообщалась с её спальней посредством замаскированной драпировкой из китайского шёлка дверью в гардеробе, и вечером, когда все в доме уже спали, я проходил в альков мадам Мелло в поисках наслаждения в её руках... и всегда находил его в её нежных и с каждым днём всё более умелых ласках, после чего возвращался к себе перед рассветом. Мы безмятежно наслаждались этим счастьем без всяких проблем до тех пор, когда месье Мелло внезапно возвратился из поездки, закончив свои дела в Италии.

Я был официально представлен мужу моей работодательницы и тайной любовницы, и он нашел меня несколько юным для роли учителя. Зная о темпераменте своей супруги, он резонно подозревал, что она вряд ли мне позволила сосредоточить всё моё внимание исключительно на хлопотах о моём ученике и их сыне... но он не был ревнив, и длительное пребывание во Флоренции приучило его к сократовым удовольствиям, весьма распространённым в этом регионе, а моё лицо и фигура показались ему привлекательными и соблазнительными, и поэтому, немного поразмыслив, он подумал, что сможет использовать слабость своей жены в свою пользу, чтобы убедиться в моей любезности и добиться моей благосклонности. И вот однажды вечером месье Мелло сделал вид, что у него разболелась голова, и извинившись перед супругой, что вынужден провести эту ночь один с своей спальне, он пообещал, нежно её обнимая, что обязательно компенсирует ей эту ночь, когда это досадное и непредвиденное недомогание больше не будет ему препятствовать исполнять супружеских долг. Его супруга тут же сделала мне условный знак, который я прекрасно понял, и когда я решил, что месье Мелло уже заснул в своей комнате, то тут же проник в постель моей прекрасной хозяйки, и мы поторопились воспользоваться счастливой возможностью провести всю ночь вместе, резонно опасаясь, что такой случай нам больше может и не представиться в ближайшие дни.

Мы были так увлечены друг другом, что не заметили, как в комнате появился в ночной рубашке и с кинжалом в правой руке месье Мелло, который, сбросив на пол покрывало, скрывавшее наше обнажённые тела, схватил меня левой рукой, восклицая:

– Никто не смеет оскорблять меня безнаказанно... но, – продолжил он после небольшой театральной паузы, – я человек гуманный, так что, юноша, вы можете сами выбрать себе наказание... какой из этих двух кинжалов вы предпочитаете.

И размахивая перед моим испуганным лицом страшным итальянским Фузетто, оружием храбрых артиллеристов, который он держал в своей правой руке, другой он показал мне тот, которым Зевс поражал Ганимеда. Моя любовь к жизни даже не пыталась оставить мне хоть какое-то подобие выбора в этой ситуации, и я подчинился чрезвычайным обстоятельствам, да и госпожа Мелло, слишком счастливая тем, что так легко отделалась, полагала, что мне нельзя отказываться от возможности принадлежать не только ей, но и её мужу, и получив знак, что я сделал мой выбор, месье Мелло со всей силой страсти стал расточать тысячи поцелуев своей жене, благословившей только что его на измену, предоставлявшую ему столь приятные наслаждения.

– Значит ты меня прощаешь, – в свою очередь говорила мадам Мелло, обнимая мужа.

– Как можно сердиться на таких прекрасных и дорогих моему взору грешников? Эта грудь, – продолжал он, целуя соски её прекрасных полушарий (а они были у мадам Мелло превосходны, аппетитной формы, и она была чрезвычайно горда этой частью своего тела), – и эти два упругих холмика, – добавил месье Мелло, проводя рукой немного ниже талии и дальше по золотистому алтарю, – и это благословенное и сакральное место, на которое наш учитель только что принёс свою жертву, смягчило бы бешеный нрав даже бенгальского тигра... Кроме того, с моей стороны было бы невероятной глупостью рассчитывать, что ты могла оставаться мне верной во время столь длительного моего отсутствия.

Так что неудивительно, что во время мой поездки в Италию я приобрёл и хорошего премника... и рога. Первое мне нравится больше, хотя и за второе я не в обиде. Так что, давайте не будем посмеиваться друг над другом, и оставив всё в тайне для окружающих нас обывателей, примемся без всяких ограничений и сдержанности пользоваться ситуацией и наслаждаться всеми возможными удовольствиями, которые эта ситуация, наш возраст и наше состояние нам предоставляют. Предлагаю вполне серьёзно... давайте избежим скандала и посмеёмся над придурками, которыми полна наша страна.

Мадам Мелло, в восторге от того, как он проглотил пилюлю, которую она приготовила ему во время его итальянских каникул, стала одаривать своего супруга горячими ласками.

– Ах! Мой друг, как вы добры ко мне! Нет, никогда больше вам не придётся упрекать меня! Я капитулирую перед вашим благородством...!

– Замолчи, я совершенно не верю твоим клятвам, и требую твоего доверия, а не твоей верности... ведь это значило бы просить невозможного, а я не считаю себя дураком. Как может наркоман отказаться от наркотика... Вот, посмотрите на нашего будущего аббата... как он сияет... Да, мне сразу же всё стало понятно, как только я вернулся из Италии, и я лишь отложил удовольствие на некоторое время... но ненадолго, и не хочу лишать его ни вас, ни себя, так что давайте, сказав «А» отправимся и к «Б», и к взаимному удовольствию вы можете продолжить начатое вами без меня дело.

– Шутка слишком горькая, мой друг... и прозвучала она в тот самый момент, когда ты наяву видишь моё раскаяние.

– Я отнюдь не шучу, и я дам аббату то, что предназначал тебя, и поэтому будет вполне справедливо, если он в свою очередь компенсирует тебе то удовольствие, которое получит от меня... и это не может оскорбить меня, поскольку будет сделано с моего согласия... к тому же, мои глаза также будут наслаждаться этой сладострастной картиной. И поместив свою жену в наиболее удобное для ласк положение, он поторопил меня броситься в её объятия. Своеобразие происходящего, заставило меня немного поколебаться, но месье Мелло настаивал, и мне пришлось уступить, ведь признаюсь, что в результате всех этих двусмысленных разговоров я умирал от желания. И тогда, сжав нас обоих в своих руках, месье Мелло стал покрывать нас ласковыми поцелуями, а его жена, вначале смущённая, успокоилась, и пожимая его руку, полностью предалась своей страсти и дошла до желанной цели одновременно со мной.

– Итак! Мои друзья, – отдышавшись, произнёс якобы обманутый муж после окончания нашего недлинного, но страстного первого совместного совокупления, – разве вы хотите почивать на лаврах и не желаете снова стать любезными друг другу?

Наши ласки стали нашим ответом на этот совершенно излишний в этой ситуации вопрос.

– Посмотри, – сказал он своей жене, – на результат этого спектакля, который вы передо мной только что разыграли.

И он продемонстрировал нам свой скипетр в наиболее респектабельном для мужчины состоянии.

– Как угрожающе он выглядит, – воскликнула мадам Мелло, – Продолжим, мой бедный Филипп Клу Экру, ведь вас собираются так волнующе заколоть... пронзить насквозь.

– Нет, мадам, в этом случае речь идёт именно о том, что на этот раз как раз на вас может упасть ярость и мой гнев моего скипетра, и если так... совершенно случайно... через девять месяцев вы меня сделаете отцом, я хочу быть уверен, что этот ребёнок будет именно от меня.

Произнеся эти слова, он использовал все свои законные права и захватил место, из которого я только что вышел. Мелло был хорошо сложен, ему едва исполнилось тридцать лет, его свежее и округлое тело было ослепительной белизны, а вид его упругой задницы вернул мне мои недавно утраченные в лоне его жены силы, так что я стремительно устремился к его волнующей дырочке, вид на которую стремительно открылся мне, и проник в неё без всякого труда, поскольку я, по всей видимости, был не первый, кто её с успехом использовал, и мои движения, помогая его усилиям, позволяли Мелло с удвоенной энергией входить его скипетру в грот его супруги.

– Ах! Дорогой аббат, – воскликнул он, – какое это наслаждение! Ты сумел удвоить моё сладострастие.

– И моё, – простонала мадам Мелло.

А я продолжил без лишних слов с жаром проникать в дырочку месье Мелло, и вскоре тройной выброс любовного сока с ликёром короновал наше взаимное блаженство. Затем, успокоившись, месье Мело принялся целовать меня с какой-то нежной яростью, как будто пытаюсь расплатиться со мной за то наслаждение, которое я его только что заставил испытать.

– Вы меня удивляете, – произнесла его жена, – я на самом деле думала, что сократизировавшись, получаешь живое удовольствие от давления, которое испытывает ваш скипетр на узком пути в спинтрию, но я даже не могу себе представить, какое удовольствие может получить и ощутить сам спинтрия, аналит, мужчина-наложник, принимающая сторона этого действия... напротив, мне казалось, что толщина того орудия, которое он допускает в себя, должна ему причинять кое-что вроде боли... и немалой, которая должна притупить любое сладострастие.

– Ах! Моя дорогая, ты сильно ошибаешься, роль спинтрии также приятна, как, например, роль Кефала... которому его жена Прокрида предстала в виде юноши, в которого он проник сзади, и признал, что внутреннее нежное трение внутри её ягодичек очаровательно и прекрасно... и я видел женщин, которые предпочитали встречать своего возлюбленного именно с этой стороны.

– В таком случае, не странно ли, что ты не дал мне возможности попробовать такое проникновение?

– Я не осмеливался тебе это предлагать, и не случись сегодняшних событий, я тебе, возможно, никогда бы об этом не рассказал.

– И ты бы трагически ошибся, потому что меня чрезвычайно соблазняет и возбуждает всего лишь только одна мысль о таком проникновении... и возможно, тебя это удивит, но из моего грота только что, как только я представила себя такую сцену с моим участием, излился очередной ручей страсти... и если бы только я не опасалась, что это всё-таки причинит мне сильную боль, то я бы непременно прямо сейчас...

– Мы уже перенесли такое... ваш муж и я... и почти такое же чувство я испытал в моём почти что детстве с одним монахом, и поэтому я могу вам уверенно сказать, что с небольшим количеством мази все препятствия исчезают, врата наслаждения открываются... и это совсем не больно, – произнёс я.

– Ваши слова придают мне силы и поощряют меня на безумство... между тем, меня не покидает мысль... я не могу себе представить, как это возможно, чтобы такая большая штука-ковина, – произнесла она, трогая своей прекрасной ручкой огромный скипетр мужа, – сможет войти в столь маленькое убежище?

– Моё сердце, – ответил месье Мелло, – нужно понимать, что для того, чтобы начинать распашку целины, следует выбрать соответствующий плуг, лемех которого будет наиболее остёр о соответствовать размерам пашни.

При осмотре и сравнительном исследовании наших скипетров мы пришли к выводу, что пропорции моего плуга казались более подходящими для того, чтобы начинать работу между прекрасными холмиками в средней части тела моей госпожи, и после небольшого отдыха и искусных манипуляций пальчиками моих партнёров силы мои восстановились, а скипетр

принял должное ему положение. Мелло остался в постели, а мы с его супругой встали. Я заставил мадам Мелло согнуть тело на постели, подняв её божественные холмики ниже талии вверх, а её муж, крепко сжав её плечи, соединил свой рот с её губами, воодушевляя её поцелуями по-флорентийски. Между тем, вознёсшийся вверх упругий зад моей госпожи представил на всеобщее обозрение сладострастную двойную дорогу к счастью, но мне пришлось выбрать ту, о которой мы все вместе заранее договорились, и смазав начало этой дороги... подготовив путь для моего скипетра достаточным количеством мази, я отправился вперёд в её пещеру между двух холмов... правда, толщина моего лемеха вынудила мадам Мелло поначалу испустить непривольный вскрик, заставивший меня ненадолго остановиться, после чего, выдержав символическую паузу, я начал потихоньку, осторожно растягивая первые сантиметры дороги, продвигаться вперёд... и несколько секунд спустя я вскрыл её борозду на достаточную ширину для того, чтобы скрыть в ней уже на добрую половину лемех моего плуга, после чего снова остановился и спросил её:

– Больно ли Вам, моя госпожа?

– Немного больновато, но с каждым мгновением и новым проникновением всё меньше и меньше, – сладострастно выдохнула мадам Мелло.

И тогда, с силой взяв её за шелковистые бёдра, я на полную глубину вошёл своим лемехом в её борозду, и стал пахать её целину так глубоко, насколько это было возможно в первый раз... проходя по ней туда и обратно, вперёд и назад, как этого требует такого рода вид земледелия.

– Ах! Боги! – Воскликнула хозяйка дома, – я не понимаю, где я, в раю или в аду, у меня кружится голова, я вся горю... Ах...! Какое наслаждение... я сейчас растаю от блаженства...! Ах...! Ах! Я изнемогаю... Я проваливаюсь в океан сладострастия... Ещё раз...! Умоляю! О Боги...! Пощадите!... Дорогой друг, я больше не могу...!

Я тоже чувствовал, что вскоре вознесусь на небо в этих потоках сладострастия, и вытащил мой лемех из её борозды, войдя им на полную глубину в пещерку, что уютно располагалась пониже, и которую мне ещё не довелось посетить в эту ночь, но, к моему удивлению, я нашёл эту пещерку буквально наводнённой потоком слез сладострастия, с которыми тут же смешались мои, и мы с мадам Мелло застыли на постели в прелестном изнеможении, которое всегда посещает удовлетворённые сладострастной борьбой тела.

– Ах! Друзья мои, – воскликнула госпожа Мелло, – как это возможно, чтобы я, до сих пор, достигнув такого приличного для женщины возраста, считая себя вполне искусной и опытной в любовных играх, даже не подозревала о таком неземном наслаждении, которое может предоставить соитие с мужчиной в другой позе... Боже мой!... Какое счастье, какое невыразимое наслаждение и сладострастие!

Её супруг, которого она, произнося эти слова, ласкала своей шаловливой ручкой, предложил ей повторить опыт, который она нашла столь прекрасным.

– С огромным удовольствием и желанием... от всего сердца... но мне необходимо несколько мгновений отдыха... я должна собраться, прежде чем опять окунуться в этот небывалый для меня океан любви, совершенно новое наслаждение, в котором я уже даже боюсь захлебнуться и утонуть.

И мадам Мелло тотчас же задремала, положив свою прелестную головку на мою грудь, а следом за ней и я, положив одну руку у входа в её пещерку, в то время как другая бесцеремонно расположилась на её груди. Месье Мелло последовал нашему примеру, и мы проспали в таком положении около двух часов и, по-видимому, интересные сновидения посещали голову нашей красавицы, поскольку бедра её время от времени непроизвольно подрагивали, и вот, после очередной порции таких тайных оргазмиков она меня внезапно разбудила, принявшись вдруг так страстно обнимать и целовать, что разбудила таким буйным проявлением совсем не тайной страсти, так что месье Мелло тоже был вынужден приоткрыть свои глаза.

– Теперь, – произнёс он, улыбаясь, – настала моя очередь предоставить моей жене второй в её жизни сократов опыт.

– Хорошо, – ответил я, – но если вы послушаетесь моего совета, мы можем удвоить сладострастие нашей богини.

– Каким образом?

– Я прилягу на спину, а наша госпожа устроится на мне, лицом к лицу, и вставит мой скипетр в свою пещерку, после чего ляжет мне на грудь, а вы, месье, в свою очередь, устроите свой скипетр на более узком пути в другой её гротик.

Супруги, неожиданно для меня, заплодировали, оценив мою идею, и мы принялись немедленно её осуществлять. Я положил подушку себе под поясницу, чтобы мои бёдра приподнялись, а моя героиня села на меня сверху, медленно углубив мой кинжал в свою рану, после чего прислонила свою грудь ко мне, предлагая, таким образом, в наиболее выгодном положении свою оборотную сторону второму атлету по этой эротической композиции. Он не стал медлить, и тут же попытался своим могучим бревном протаранить ворота её крепости, вскоре добившись успеха. Опьянённая такой сладострастной атакой, мадам Мелло меня неистово кусала, обнимала, целовала, а её пещерка, в которой блуждал в поисках тайных закоулков мой скипетр, наводнилась потоком любовных соков, облегчая проникновение в её самые потаённые глубины. И какое бы наслаждение в этот момент я не испытывал, неотвратимо приближался момент, когда я стал задыхаться от веса двух взрослых тел на моей ещё неокрепшей, не обросшей мускулами груди, и я начал раскаиваться в том, что изобрёл и поделился такой мудрёной позицией для трёх возбуждённых тел, но к моему счастью месье Мелло, которого трение наших скипетров друг об друга... ведь они были отделены лишь только одной тонкой мембраной внутри нашей госпожи, спровоцировало на стремительный триумф, и он, залив своей божественной жидкостью внутренний портал храма своей жены, вернее, её опистодомос, невольно освободив меня от веса своего тела. Эта оказия позволила мне удвоить частоту моих движений, и я выстрелил своим нектаром в самом глубоком месте алтаря сладострастия его супруги. Душа моей прекрасной хозяйки на несколько мгновений смешалась с моей. Отдышавшись, она призналась нам, что никогда в своей жизни даже представить себе не могла подобной идеи, способной доставить ей столько очаровательного удовольствия, и при этом, произнося эти слова, она ласкала одной рукой скипетр мужа, а другой мой, и стонала от огорчения, что человеческая природа предоставляла столь мало сил, чтобы наслаждаться сладострастием в течении более длительного времени и продолжать нашу любовную битву неограниченное время. Этот последний бой полностью исчерпал наши физические ресурсы, и мы разошлись по своим комнатам, дабы восстановить силы при помощи сна.

На следующий день в одиннадцать часов утра меня разбудила юная Бабетта, крестница госпожи Мелло, с сообщением о желании хозяйки увидеть меня на завтраке с шоколадным меню, и что я обязан явиться к ней без всяких отговорок, в каком бы состоянии не пребывал поутру. Так как у меня появился повод и возможность поговорить о Бабетте, пока она была в моей комнате, я быстренько набросаю вам её портрет. Ей было едва восемнадцать лет, а выглядела она и того моложе, её лицо и фигура, высокая и воздушная, могли бы послужить моделью для Франческо Альбани, вернее, для самой юной из его Граций. Твёрдая и маленькая грудь девушки уже начинала округляться, словно роза к полудню, вокруг двух ярко-алых сосков, свежих и аппетитных, как две клубнички, покрасневшие под яркими лучами солнца, а её лицо сияло печатью невинности, хотя в глазах, вернее в их уголках, уже проскальзывали искорки желания познать ещё неведомое ей наслаждение, и наивная радость жизни выскальзывала сквозь её слегка приоткрытые коралловые губки, собирая на щёчках наивного личика две прелестные ямочки.

До сих пор я не обращал внимания на Бабетту и не замечал этих очаровательных деталей в её наружности, но в этот день, даже несмотря на усталость после бурной ночи, демон сладострастия, ещё не покинувший меня, не позволил мне пройти мимо прекрасной девушки, не обратив внимание на её привлекательность.

– Неужели это вы, прелестная Бабетта, собственной персоной, и в такую рань, – спросил я девушку, откидывая моё одеяло, чтобы подняться с кровати и отправиться к хозяйке дома, – Так это значит именно вы готовите этот превосходный шоколад?

– Да, месье, это я.

– Как бы мне хотелось оказаться на месте этого шоколадного порошка, представьте, как бы я пенился в ваших умелых ручках.

– Аббат в пене... это было бы забавно.

– И очень естественно.

– Вы насмехаетесь надо мной? Каким образом это возможно?

– Сейчас ты увидишь, – воскликнул я, привлекая девушку на мою постель и направляя её руку к моему скипетру, – предположи, что это – ручка венчика для сбивания шоколада.

– Ах! Так вот как это делается... ну нет, я хочу уйти, – воскликнула Бабетта, притворяясь, что хочет выйти, но я заметил, между тем, что она задержала свой взгляд между моих ног, чтобы получше рассмотреть этот новый, очевидно, для неё предмет.

– Не бросай меня в таком положении, – вскричал я и схватил Бабетту с такой силой, что она, потеряв равновесие, упала рядом со мной на мою постель, и... что бы хоть как-то попытаться подняться с моего ложа, она невольно схватила меня за эту самую торчащую ручку моего венчика.

Воспользовавшись этим не совсем уж случайно представившимся мне шансом, я подхватил Бабетту за талию и прижал к себе.

– Ах! Мой Бог, какая твёрдая эта у вас штукавина! – произнесла девушка, учась его рассматривать и трогать с заметной любезностью, без всякой боязни, но с пробуждающимся трепетом сладострастия. – И для чего она может послужить?

– Для того, чтобы сделать тебя и меня счастливыми.

– Это мне кажется мне странным... но объясните, и каким образом это возможно?

– Всё предельно просто... Если поместить его в отверстие, которое есть у моей очаровательной шоколадницы, вы сделаете меня самым счастливым человеком в мире.

– Шоколадница сейчас у мадам, в углу, возле зажжённого камина, и раз вы так желаете, я вам сейчас её поищу.

– Не утруждай себя так, моя милая Бабетта, ведь у тебя при себе всегда есть такая же... именно та, что мне нужна сейчас... да и тебе она пригодится.

И я заставил Бабетту почувствовать прикосновение моего пальца, ласкавшего её подрагивающую плоть в том самом месте, которое мне было так необходимо в этот напряжённый момент.

– О, Господи, как приятно вы сейчас делаете мне вашей рукой!

– Как? Что? Понимаешь ли ты, что эти наши места... они сделаны один для другого, и именно от их союза рождается самое большое из всех возможных удовольствий в мире.

– Ах! Наверное, вы правы... Как нежен ваш палец... со мной происходит что-то непонятное... ах! Как это странно! И вы хотите сказать, что то, что я держу сейчас в своей руке, может дать мне больше, чем ваш пальчик?

– Я тебе гарантирую, что это будет для тебя совершенно другое ощущение... и в миллион раз приятней.

– Мне, наверное, нужно для этого его поцеловать, чтобы он до этого снизошёл? – воскликнула бедная инженерю, и сразу же, не дожидаясь моего ответа, принялась покрывать мой скипетр поцелуями, в то время, как мой палец, продолжающий свой предварительный поход в основание её пещерки, довёл Бабетту до последней стадии сладострастия.

– Ах! Ах! Какое упоение, – воскликнула она, закатывая глаза и волнообразно сокращая свои бедра. – Я больше не могу этого выдержать... я умираю... Ах! Ах!... Я вся мокрая... я теку, словно родник возле моей родной деревушки.

И пока я с наслаждением созерцал воздействие этих манипуляций на её невинное и неискушённое лицо, собираясь с мыслями, как мне попробовать немедленно доставить ей более солидные ощущения, как вдруг шум, послышавшийся в коридоре, заставил меня отступить от осуществления этого намерения и отложить на другое время новый урок сладострастия для этой прелестной школьницы.

– Увидимся вечером, – сказал я Бабетте, – когда все в доме заснут, я продолжу курс твоего обучения. Надеюсь, что ты этого хочешь?

– Хочу ли я? Да я вас об этом просто умоляю!

– Только не рассказывай никому о том, что мы с тобой сейчас делали, и не забудь оставить вечером дверь в свою комнату незапертой.

– Я вас не подведу... и не забуду, обещаю.

Как только она вышла, в мою комнату вошёл месье Мелло.

– Как, ты ещё в кровати, лентяй! Вот что это такое... посылать за вами столь юных вестниц... месье больше думает о посланнице, чем о послании, которое она принесла.

– Я спал глубоким сном, так что Бабетте с большим трудом удалось меня пробудить.

– Она вас, однако, ухватила за чувствительное место.

– О чём вы говорите?

– О том, что вы, однако, неблагодарный юноша.

– Что! Как вы могли подумать, что она...?

– Я всё видел, плутишка, но благоразумно ненадолго отошёл, стараясь не быть занудой и не портить ваш праздник, после чего специально произвёл достаточно шума, чтобы вы не были неприятно удивлены моим неожиданным появлением. Малышка Бабетта, признаюсь, прелестна, и я страстно влюблён в неё со времени моего возвращения из Италии... и знайте, что я вам не позволю спокойно затолкать ваше острие, ваш наконечник в её лоно... единственно... при условии, что когда она с вашей помощью станет женщиной, вы присоедините её к нашим развлечениям.

– Тогда, – ответил я, – дайте мне одну неделю, чтобы я смог проделать с ней этот трюк и привести её к вам и вашей жене, и обещаю, что она будет чрезвычайно любезна и отзывчива на ваши ласки и нежна в вашем обществе.

– Неделя...? Ах! Господин аббат, для обучения, которым вы намереваетесь заняться с этой девушкой, такой срок слишком долог, так что извольте сделать так, чтобы после завершения будущей ночи, то, что нравится всем нам, стало общим между нами.

Мне пришлось согласиться. Во время этого разговора я спустился с кровати, одел брюки и халат, и мы вместе с месье Мелло пошли в салон, где нашли его супругу и приготовленный для нас руками Бабетты шоколад, которая, не знаю почему, бурно краснела, наполняя мою чашку. Месье Мелло, глядя на девушку, отослал её под каким-то надуманным предлогом на четверть часа, и пользуясь её отсутствием, рассказал своей жене, о чём он договорился со мной по поводу её крестницы.

– Боже, какой распутник, – воскликнула она, – Не успело всё так захватывающе начаться, и вот уже подоспела измена! Но даже не надейтесь, мой юный друг, я не буду столь любезна, как мой муж... и, одно из двух, либо я разрушу эти ваши проекты, или мои глаза будут наслаждаться вашими успехами.

– Как вы это себе представляете, чтобы в первый раз во время соития с мужчиной юная дева согласилась на такой бесстыдный вариант?

– Позвольте мне самой разрешить этот вопрос, – ответила мадам Мелло, – моя крестница вполне невинна, полностью доверяет мне, и если подвиги этой ночью не вывели из строя нашего аббата...

– Вывели из строя меня...? – возмутился я со смехом, прерывая мою госпожу, и приподняв рубашку, продемонстрировал ей моего героя во всей его славе.

– Ах! Клянусь богом... наш аббат настоящий стоик. Итак, я только что услышала, что девственности Бабетты осталось прожить не более одного часа... и, как я понимаю, мы будем присутствовать на её похоронах... по крайней мере, за мной дело не станет.

– Что ты имеешь в виду?

– Не смущайтесь, позвольте мне самой всё организовать, и я отвечаю перед вами за успех.

Несколькими мгновениями спустя вернулась Бабетта.

– Присядьте, Бабетта, – приказала ей госпожа Мелло.

Невинное дитя колебалось, ведь ранее она никогда не удостоивалась чести сидеть в присутствии своих хозяев.

– Повинуйтесь, мне нужно сообщить вам некоторые серьёзные вещи, – приказала Бабетте госпожа Мелло серьёзным, но не грубым тоном, и девушка присела на банкетку. – Я – ваша крестная мать, и чрезвычайно сведуща в нашей религии... и поэтому не могу игнорировать того обстоятельства, что держа вас над купелью в церкви, я взяла на себе обязательство всячески вас просвещать, защищать и заботиться о вас до тех пор, пока смогу быть полезной для вас.

– Вы всегда это делали, мадам, и в благодарность...

– Я хочу продолжить... и хочу сказать, что поняла, что с возрастом возникают новые проблемы, в разрешении которых я обязана вам помочь... С недавнего времени, я думаю, вы заметили, что ваша грудь округляется.

– Мадам, я в этом не виновата.

– А я вас в этом и не упрекаю, но необходимо, чтобы я увидела, в каком она состоянии пребывает сейчас.

Бедняжка Бабетта покраснела после этих слов.

– Аббат, – продолжила госпожа Мелло, – расшнуруйте корсет мадемуазель Бабетты. Поскольку вы будете её духовником, было бы хорошо, если бы вы сами оказали ей помощь, в которой она может нуждаться.

Я счёл своим долгом повиноваться, а малышка Бабетта пребывала в затруднении и смущении, не зная, то ли ей нужно уступить, то ли сопротивляться.

– Вы больше не ребёнок, Бабетта, – продолжила её крестная мать, – и я с вами собираюсь отныне говорить, как со взрослой девушкой... но и вы должны вести себя соответственно... вы себе не представляете, я полагаю, что я хочу сделать... и что я хочу заставить сделать вас... и это может показаться вам не совсем приемлемым. Но, кроме того, присутствие моего мужа должно вас успокоить... и, чтобы разрушить вашу застенчивость, я хочу вам показать пример.

Сказав это, мадам Мелло быстро приподняла свою юбку, обнажив на мгновение ущелье, которое мы вместе с её супругом успешно и неоднократно покоряли прошедшей ночью. Увидев это, обескураженная Бабетта не оказала мне абсолютно никакого сопротивления и позволила вытянуть из своего корсета два маленьких, едва зарождающихся, белых и твёрдых, как алебастр, шара... глобуса... и я был ослеплён их великолепием.

– Они прекрасны, – произнесла мадам Мелло, нежно и легко дотрагиваясь до них, – и чрезвычайно волнительны, а кроме того убедительно свидетельствуют о том, что всю прелесть твоего тела должны подтвердить и все остальные его части, в чём все мы должны убедиться. У вас ведь ещё совсем недавно, буквально пару лет тому назад, не было ни одного волосика нигде... ни одной шелковистой прядки... там... ниже вашего бюста... не могли бы вы показать, а как там сейчас?

– Мадам...?

– Итак?

– Не ругайте меня, эти мои слова вылетели из моего рта лишь потому, что я не осмеливаюсь сделать это.

– Говорите... говорите, не опасайтесь ничего.

– Вот уже шесть месяцев...

– После чего?

– Как я заметила первые волоски там.

– И...?

– Мне было стыдно показать их вам.

– Ничего страшного... но может быть будет вполне естественно показать их аббату, ведь он человек, близкий к Господу Богу.

Бабетта, при виде движения, которое я совершил в её направлении, показалась нам чрезвычайно сконфуженной, хотя и сопротивлялась скорее машинально, чем осознанно.

– Боже, какое дитя, – продолжила хозяйка дома, – но, наверное, как мне кажется, необходимо, чтобы я подала вам пример, моя милая Бабетта? – И она вопросительно посмотрела на девушку, – И я согласна это сделать.

И мадам Мелло снова подняла свои юбки, продемонстрировав нам во всём великолепии своё золотое руно, самое прекрасное из всех, что мы видели до сих пор. Тогда, верная духу подражательства, Бабетта продемонстрировала всем свой зарождающийся пушок, затенявший притвор самого прекрасного в мире храма любви, который когда либо сотворила любовь... и госпожа Мелло тут же направила туда свой пальчик, и её ласки вызвали вскоре приятные колебания стана прекрасной девушки, наглядно свидетельствующие об охватывающем Бабетту сладострастном ознобе.

– Вот и настал благоприятный момент приобщения нашей милой Бабетты к сонму прекрасных женщин, и для того, чтобы позаботиться об этом дорогом для нас ребёнке я выбрала именно вас, мой дорогой аббат. Давайте, мой милый Клу Экру, приведите девушку на мой диванчик, и окажите ей всю возможную поддержку, которая только может зависеть от вас.

Мелло и я, мы вместе сгорали от желания при виде такой прелести. Малышка, судя по её блестящим глазам, приоткрывшимся от возбуждения и подрагивающим пересохшим губам, также была чрезвычайно взволнована, но присутствие её крестной матери и её супруга, господина Мелло, немного смущало Бабетту. Госпожа Мелло, чтобы извлечь пользу из этого обстоятельства, постаралась перевернуть ситуацию с головы на ноги, и обняв своего мужа, произнесла:

– Покажем этому ребёнку, что ей следует делать.– И с этими словами моя госпожа прилегла на соседнюю кушетку с широко раздвинутыми ногами, чтобы её крестница могла беспрепятственно обозревать, как в её подрагивающую от возбуждения пещерку свободно входит копыё её мужа.

– Ах! Мой дорогой аббат, – сказала мне Бабетта, размещаясь на кушетке в такой же самой позе, что и мадам Мелло, – сейчас я уже готова уступить вам то, что вы уже столь мило ласкали и трогали своими нежными руками сегодня утром, и что, как говорите вы, должно доставить мне столько удовольствия и наслаждения! Теперь я понимаю, как важно иметь такую хорошую крестную мать, как мадам Мелло!

И в то самое время, когда Бабетта произносила эти приятные моему уху слова, я поудобнее пристраивался к её соблазнительному телу, и верхушка моего дротика старалась проникнуть в её до сих пор достаточно равнодушный к этой атаке редут, поскольку стыдливость запрещала её голове и чувствам открыть доступ к точкам сладострастия. Но, слава Богу, спектакль в исполнении госпожи Мелло, которая в этот момент лишалась чувств благодаря усилиям её мужа, раздражил желания девушки, мешая ей противиться моим, какую бы боль ни причиняли ей мои манипуляции. Я воспользовался этим моментом её чувственного опьянения, и продев мои руки вокруг божественных грудок Бабетты, прижался к ней столь сильно, что, преодолевая все препятствия, я установил голову моей колонны в закрытые до того времени ворота укрепления неприятеля, и они тут же уступили моим усилиям и распахнулись.

– Ах! Я умираю, – выдохнула Бабетта, – и это жестоко! Неужели это то самое ли удовольствие, которое вы мне обещали?

Я не уступал её мольбам о пощаде и продолжал в том же духе, продвигая мою колонну вглубь по тоннелю её пещерки.

– Самый тяжёлый и болезненный этап нашего путешествия уже преодолен, моя дорогая Бабетта, – ответил я ей, – ещё немного терпения, и ты увидишь, что я тебя ничуть не обманул.

Бабетта плакала, стонала, а я продолжал продвигаться вперёд. Между тем, Мелло и его жена, закончив свою приятную часть задуманной нами операции по совращению девушки, пришли нам на помощь. Официальная крестная мать Бабетты, скользя своей рукой по нашему полю битвы, ласкала пальчиками растущий от её ласк отросток у входа в пещерку между ног этой юной любительницы наслаждений, которая в достаточно грубой форме стала оповещать присутствующих о покорении вершины сладострастия, а губы Мелло, влюблённо сжимающие одну из побагровевших земляник её груди, вознесли упоение Бабетты на пик наслаждения, и она окончательно утратила связь с окружающим миром и забыла о боли, которую ей совсем недавно причинял мой продвигающийся вглубь её пещерки скипетр.

– Ах! Боги! – воскликнула она, – Что я чувствую? Что я испытываю? Ах! Боже мой! Я умираю... держите меня, я сейчас умру... я умираю... о, Боже... ах!

С этими словами Бабетта закрыла свои глаза, тело её напряглось, она выгнулась, как лук перед тем, как из него будет выпущена стрела, и невероятно обильно эякулировалась, излившись небольшим озерцом на кушетку, что подтвердило мне наивысшую степень полученного ею наслаждения, поэтому и я не заставил её долго ждать ответного вознаграждения с моей стороны, и моя обильная инъекция в её храм любви бальзамом жизни дополнила сладострастное наслаждение Бабетты от нашего соития, заставив её вторично забиться в оргазме сладострастия, окончательно завершив восторг её первого путешествия на небеса.

– Ах! Мой дорогой аббат... мой божественный аббат... какое удовольствие... какой нектар! – и выдохнув эти слова, Бабетта снова потеряла свой прерывистый от возбуждения голос, в то время как я, теряя мои силы, покидал её, извлекая из пещерки девушки свой увенчанный окровавленными миртами посох.

– Итак, – спросила Бабетту крестная, – как ты нашла, моя дорогая, этот способ получения наслаждения был достоин твоего внимания?

– Мне было немного больновато... но я получила удовольствие.

– Ничего, боль пройдёт и уйдёт навсегда, а удовольствие ты будешь получать часто, всю оставшуюся жизнь, плутовка, если не будешь, как говорится, валять дурака! Мы же видели, с каким изобилием ты проливала слезы сладострастия!

И, под предлогом исправить беспорядок её туалета, госпожа Мелло абсолютно догола раздела Бабетту и продемонстрировала нам тело, которому позавидовала бы и богиня юности Геба. По ласкам, которые госпожа Мелло расточала каждому привлекательному местечку на теле своей крестницы, естественно, по мере того, как она их обнаруживала, я сразу понял, что она могла легко стать сладострастной соперницей Сафо, наслаждаясь с прекрасной нимфой

приятными ласками, которыми уроженка Лесбоса пользовалась после того, как была отвергнута Фаоном. Я увидел, как лицо мадам Мелло буквально ожило, ноздри её хищно раздувались, а глаза засверкали по мере того, как её руки пробежали по прелестным контурам грациозного тела Бабетты.

– Как она прекрасна... какие божественные формы, какая свежесть! – воскликнула госпожа Мелло, прижимая крестницу к своей груди, – Я вся пылаю... я горю... Ах! Моя милочка, дай мне твою руку.

И увлекая её на кровать, она зажгла свою страсть с новой силой, в то время как Бабетта одной рукой пыталась проникнуть в её рощу Венеры.

– Умерьте на время ваши чувства, – посоветовал я мадам Мелло, – ваша одежда – препятствие удовольствиям, которые вы ищете для своих рук и глаз... так что сорвите с себя эту изверскую драпировку, мешающую прикосновениям наших рук и нашим взглядам.

Госпожа Мелло мгновенно согласилась на такое бесцеремонное разоблачение и, с моей помощью, она буквально за две секунды предстала перед нами Дианой, выходящей из купальни, и вновь устремившись к своей юной добыче, она просунула одну свою ногу между её ног таким образом, чтобы храмы обоих древнегреческих атлетов сладострастно переплелись друг с другом, а их груди при этом соприкасалась, между тем, как губы впились друг в друга и слегка приоткрывались, чтобы оставить проход для органа речи, который в этот момент становился органом сладострастия, издававшим призывные стоны любви... и их бедра волновались, а волосы перемешались на их телах, и вскоре послышались пламенные вздохи, напоминающие те, что раздавались из уст Венеры, успокаивающейся в руках Евфросинии в отсутствие Марса, развлекающегося в это время с весталкой Илией. Внезапно сладострастницы застыли, и пять или шесть конвульсивных, судорожных движений их прекрасных бёдер сообщили нам о том, что они достигли цели, а вскоре мы смогли насладиться прекрасной картиной растекающихся на поле их битвы жемчужин удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.